



ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-2-271-280

EDN: IUWSPW

УДК 82.091

Научная статья / Research article

«Сага о Констанции» в первой половине XIV в.: сюжетно-жанровые трансформации

В.Б. Семёнов 

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
✉ vadsemionov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос об эволюции сюжета, возникшего и развивавшегося в западноевропейских литературах XIII в., позднее названного «Сагой о Констанции». Единая сюжетная формула историй, воплощающих этот сюжет и составляющих общность на основе мотива «обвиненной королевы», «оклеветанной жены», пока не была представлена в исследованиях. Тенденции фабульного генезиса этой «Саги» также не были выявлены. В статье автор исходит из того, что формула общности для подобных историй состоит из двух основополагающих ситуаций: 1) «расставание с семьей», включающее мотивы брака, беременности, долгого удаления мужа от жены по делам, подмены писем супругов, несправедливого обвинения жены, ее наказания изгнанием; 2) «воссоединение» – узнавание и встреча спустя долгое время. Каждую из этих ситуаций предваряет ее мотивировочный комплекс. Задача исследования – проследить, насколько оказались фиксированы элементы мотивировочных комплексов, появлялись ли среди них новые свободные мотивы, были ли они связаны с выбором жанровой формы для конкретного текста, воплотившего этот сюжет с его четырехчастной формулой. Материалом послужили сочинения первой половины XIV в.: «История графини Анжуйской» Жана Майара, история о Маргарите из «Небесной лестницы» Жана Гоби-младшего, анонимная «История о дочери венгерского короля» и история о Констанции из «Хроник» Николаса Тревета. Основные выводы: в первых трех историях мелкие вводимые мотивы не нарушили устоявшейся формулы и в то же время оказались связанными с новой жанровой формой, а в сочинении Тревета обнаружены революционные преобразования, которые не нарушили двух сюжетослагающих событий, но переопределили начальный мотивировочный комплекс, устранив из традиционной истории тему инцеста, и в то же время продемонстрировали мультижанровый характер истории.

Ключевые слова: роман, хроника, жанр, эволюция сюжета, фабула

© Семёнов В.Б., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 января 2025 г.; отрецензирована 20 февраля 2025 г.; принята к публикации 25 марта 2025 г.

Для цитирования: Семёнов В.Б. «Сага о Констанции» в первой половине XIV в.: сюжетно-жанровые трансформации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 2. С. 271–280. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-2-271-280>

***The Constance Saga* in the First Half of the 14th Century: Plot and Genre Transformations**

Vadim B. Semyonov 

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ vadsemionov@mail.ru

Abstract. Examines the evolution of a plot that emerged and developed in Western European literature in the 13th century and was later called *The Constance Saga*. Over the past century of research into stories that embody this plot and that form a unity based on the motif of the ‘accused queen’ or ‘calumniated wife’, no single plot formula has been presented for them and no trends in the plot genesis of this Saga have been identified. In this article, the author assumes that the formula for the plot common for stories in this unity consists of two fundamental situations: 1) ‘separation from the family’, consists of the motifs marriage, pregnancy, the husband leaves his wife for a long time on business, substitution of letters between spouses, unfair accusation of the wife and her punishment by exile; 2) ‘reunion’, represents recognition and a meeting after a long time. Each of these situations is preceded by its own motivational complex. Our task was to trace the extent to which the elements of the motivational complexes were fixed, whether new free motives appeared among them and whether they were associated with the choice of genre form for a specific text that embodied this plot with its four-part formula. The material for the study was the works of the first half of the 14th century: *The History of the Countess of Anjou* by Jean Maillard, the story of Marguerite from *Scala Coeli* by Jean Goby the Younger, the anonymous *History of the Daughter of the King of Hungary* and the story of Constance from *The Chronicles* by Nicholas Trevet. The main conclusions of the study: in the first three stories, minor introduced motives did not violate the established formula and at the same time turned out to be associated with a new genre form, and in Trevet’s work, revolutionary transformations were discovered that did not violate the two plot-forming events, but redefined the initial motivational complex, eliminating the theme of incest from the traditional story, and at the same time demonstrated the multi-genre nature of the story.

Keywords: novel, chronicle, genre, plot evolution, fabula

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 10, 2025; revised February 20, 2025; accepted March 25, 2025.

For citation: Semyonov, V.B. (2025). *The Constance Saga* in the First Half of the 14th Century: Plot and Genre Transformations. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(2), 271–280. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-30-2-271-280>

Введение

«Сага о Констанции» – совокупность литературных памятников Средневековья, а также следующих за ними культурно-исторических эпох на основе общих фабульных мотивов, которые в сюжете каждого отдельного текста могли быть дополнены любыми второстепенными. Соответствующий термин ввел французский медиевист Герман Сюшье в конце XIX в. (Gough, 1902, p. 1). Одним из ведущих фабульных мотивов (точнее сказать, цепочки последовательностей, образующих фабульную ситуацию) в образцах «Саги» является мотив «обвиненной королевы». Применительно к авторским литературным текстам М. Шляух такое название употребила в заголовке своего труда о связи «Рассказа Законника» из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера с текстами, составляющими «Сагу» (упоминание Констанции в названии указанной выше совокупности связано с тем, что именно так зовут героиню Чосера) (Schlauch, 1927). Поэтому в англоязычном литературоведении термин *the Accused Queens* («обвиненные королевы») синонимичен *the Constance Saga*. Термин-дублет существует только потому, что фольклористы отыскивали подобную – и оказавшуюся весьма распространенной – ситуацию в разноязычных фольклорных источниках. С. Томпсон обозначил ее как *Calumniated Wife* («оклеветанная жена») (Thompson, 1946, p. 497).

Пиковая в развитии фабулы ситуация, с которой связаны названия групп литературных и фольклорных сочинений, состоит из следующих мотивов: король (или принц) встречает незнакомку – берет ее в жены – вскоре она беременна, но ему необходимо срочно уехать – некто из числа родственников подменяет письма мужа и жены с целью оклеветать последнюю, уличив ее либо в супружеской измене, либо в связи с нечистой силой, – родившую детей жену короля вместе с ними изгоняют (как правило, в открытое море в лодке без весел, руля и паруса или в бочке, реже – в глухую чащобу). Этим завершающим ситуацию событием приведенные мотивы русскоязычному читателю немедленно напомнят о «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина. Однако исследователями русской литературы связь пушкинской сказки с традицией «Саги о Констанции» практически не разрабатывалась. Занимавшиеся литературами Запада российские медиевисты, напротив, эту связь уловили: «В основе сюжета произведения лежит очень распространенная повествовательная структура, зафиксированная в фольклоре и литературе разных народов (вплоть до «Сказки о царе Салтане» Пушкина)» (Михайлов, 1976, с. 316). По мнению А.Н. Горбунова, «Рассказ Юриста» – поэма, совмещающая черты народной сказки, средневекового романа и религиозного назидательного примера (*exemplum*). С фольклором ее связывают мотивы «оклеветанной жены», жестокой свекрови и плавания в лодке по волнам («Сказка о Царе Салтане») (Горбунов, 2010, с. 128).

Автор статьи обращался к истокам «Саги» и рассматривал возникновение и развитие ее сюжета на протяжении XIII в. В итоге выяснилось, что фабульный каркас установившегося сюжета представляет две ситуации:

1) расставание с мужем, точнее сказать весь комплекс связанных причинно-следственных событий, приводящий к нему; 2) финальное воссоединение семьи. Конфигурация сюжета такова: каждая из указанных ситуаций предваряется другими, играющими роль мотивировки, и все они отвечают композиционной формуле *Iab–IIabc–III–IV* (Семенов, 2023, с. 191–192), в которой I и III – развернутые мотивировки, а II и IV – главные ситуации. Также добавим, что для образцов «Саги» бывали характерны неявные сюжетные повторы, как бы предварение главного ужасного события в судьбе героини (изгнания в лес, по морю) подобным событием изгнания или вынужденного бегства в начале сюжета. Например, частотным элементом мотивировки первого сюжетослагательного события оказывается тема инцеста (в начале сюжета юная принцесса противится инцестуальным намерениям отца и бежит или изгнана из своей страны), при этом менее частотным сопроводительным мотивом оказывается тема отрубания принцессой рук или иной порчи своей внешней красоты.

В данной статье мы постараемся выяснить следующее: 1) сохранились ли в сочинениях первой половины XIV в. мотивировочные, второстепенные мотивы «Саги», известные по памятникам века предшествующего, так же как сохранились два основных фабульных события, вокруг которых строился каждый новый сюжет; 2) разрасталось ли количество мелких тем, входящих в группы мотивирующих любое из пары основных фабульных событий; 3) связано ли это с заведомой авторской трансформацией жанра сочинения, а также приводило ли это количество свободных мотивов к качественному преобразованию жанра.

Результаты и обсуждение

На рубеже XIII–XIV вв. или, возможно, в 1310-х гг. (по мнению Ж. Деларю, в 1316 г., Delague 1834, p. 190) француз Жан Майар, нотариус королевской канцелярии, создал поэму с броским заглавием *Le Rommans du conte d'Anjou qui volt defflower sa fille* («Роман о графе Анжуйском, которых хотел лишить невинности свою дочь») объемом в 8156 стихов и с посвящением камергеру Людовика X Пьеру де Шамбли, от которого Майар, по его словам, услышал историю. Поэма сохранилась в трех рукописях, но полный текст под этим заглавием – в рукописи *Paris, Bibliothèque nationale de France, nouvelles acquisitions françaises 4531*. Рукопись *Paris, Bibliothèque nationale de France, français 765* обнаруживает другое, более отвечающее сюжету заглавие – *Le romant de la comtesse d'Anjou* («Роман о графине Анжуйской»). Эти рукописи относят к началу XIV в., а третью, основываясь на языковых данных, – к XVI в.

Главное, что отличает поэму Майара от предыдущих образцов «Саги», – бросающаяся в глаза *локализация*. В сочинениях XIII в. присутствовал географический размах: дочь римского императора становится женой греческого принца, дядя которого – король Испании («Май и Беафлор»), дочь венгерского короля выходит замуж за короля Шотландии, а сюжет заканчивается в Риме

(«Безручка» Бомануара), русская принцесса оказывается греческой королевой, а потом также попадает в Рим («Всемирная хроника» Янсена Эникеля). Здесь же дочь графа Анжуйского вступает в брак с графом Буржским, между тем антагонистом, подменяющим письма супругов, окажется его тетка графиня Шартрская, а воссоединителем семьи – епископ Орлеанский, дядя героини. Варьируются и другие *топические* мотивы. Так, в опусах XIII в. беспомощную героиню отправляли в открытое море, только в анонимном «Житии Оффы Первого» женщину оставили в глуши, так как наемники не смогли ее убить, ослепленные красотой. И в «Графине Анжуйской» следы этого влияния: в фальшивом письме короля – приказ бросить его жену и ребенка в заброшенный лесной колодец с известняковой глиной, палачи заводят героиню в лес и не могут убить, поэтому отпускают. Изменяются мотивы второго комплекса, который должен подвести к финальному воссоединению пары (представляют постепенно формирующуюся *вторую сюжетную линию* – линию мужа). Оставивший на время беременную жену и обнаруживший ее отсутствие по возвращении граф пешком бредет по пути, по которому предположительно ушла жена, расспрашивая по дороге встречный люд. Его путь напоминает религиозное паломничество, потому кажется неслучайным, что он и она независимо друг от друга являются на исповедь – и только тогда семья воссоединена. Еще один мотив связан с наказанием злодейки, подменявшей письма. Если в других сочинениях ей мстит муж героини, то в «Графине Анжуйской», очевидно в силу необходимости сохранять чистоту только что прошедших исповедь героев-христиан, автор замещает месть королевским правосудием: услышав о злодеяниях графини Шартрской, король Франции осадил и захватил Шартр, а графиню судил и сжег. Итоговая формула сюжета – та же, что и у сочинений XIII в.: *Iab–IIabc–III–IV*.

На историю о дочери графа Анжуйского ориентировался автор следующего варианта «Саги», доминиканский монах Жан Гоби-младший (Polo de Beaulieu, 2015, p. 184), в период 1323–1330 гг. собравший специфическую «энциклопедию» рассказов в жанре «образца», *exemplum* (как известно, священники пользовались ими в качестве вставок в проповеди), организованную в порядке алфавитного следования характеризующих человеческую сущность понятий. Этот труд *Scala Coeli* («Небесная лестница») пользовался определенной популярностью, поскольку сохранился в 26 рукописях, а с 1476 г. в течение ближайших десяти лет был напечатан четырежды. В главке *De Castitate* («О целомудрии») после небольшого морализаторского вступления рассказана история, сюжетом близкая к роману Майара.

Она также *локализованная*. Действие перенесено в Пиктавию (графство Пуату, соседнее по отношению к Анжу из предыдущей версии «Саги»). Героиня убегает не в Орлеан, а в Сент-Эгидиум (Сен-Жиль-дю-Гар), где ее замечает позднее ставший королем и взявший ее в жены принц Арелата (Арля). Как видите, эта история двинулась по землям языка «ок» – от атлантических берегов Аквитании до провансальского Средиземноморья. Место финального соединения семьи вместо Рима занимает Болонья, где епископом служит

не дядя, а родной брат героини, который в начале истории упомянут как отправившийся учиться в этот город. Вот это, как и появившееся у героини имя, – Маргарита (по-видимому, автор-монах намекает на святую мученицу Марину Антиохийскую, которую католики называют Маргаритой, недаром в коротком тексте несколько раз упомянуто целомудрие), составляет новшество в рамках весьма традиционной истории. Все остальное – повторы уже знакомых мотивов: убийцы, как в «Житии Оффы», заводят героиню в лес, но не могут убить (здесь вариация мотива: не из-за ее красоты, а из-за радостной улыбки ее невинного дитя); молодой муж-король так же, как у Майара, узнав историю несостоявшейся казни жены и сына, отправляется за ними по их следам (автор усилил мотив покаяния, показав короля Арелата раздавшим ничим королевские одежды, одевшим рубище и ушедшим за женой пешком, чтобы жить в пути подаяниями). Конечно, и здесь композиция сюжета отвечает формуле *Iab–IIabc–III–IV*, успевшей стать традиционной.

Вскоре не только действия сюжета переместились в средиземноморскую зону. В 1857 г. в Барселоне Просперо де Бофаруль-и-Маскаро издал том историй, найденных в рукописях Архива арагонской короны, в числе которых была и *Historiadel Reyde Hungria* – «История о короле Венгрии» (Bofarull, 1857, pp. 53–79). Сегодня известны три рукописи, сохранившие это короткое прозаическое сочинение середины XIV в. на старопровансальском языке. Впрочем, в последнем по времени издании, в котором памятник назван *Història dela filladel Reid' Hongria* («История о дочери венгерского короля»), издатели определяют язык воспроизводимого вслед за современным пересказом аутентичного древнего текста как «старокаталанский», то есть тот же окситанский (Prades, 2021, pp. 113–125).

С одной стороны, это такая же традиционная история с сюжетной формулой *Iab–IIabc–III–IV*, однако подобна она не сочинениям Майара и Гоби, а «Безручке» Филиппа де Бомануара. Здесь и инцестуальные намерения отца героини, короля Венгрии, подстрекаемого баронами, и вариация мотива изгнания – не духовенством, а дьяволом. И отрубание не одной, как было у Бомануара, а обеих рук. И два изгнания в море на неуправляемой лодке. И свекровь-злодейка, подменяющая письма. И воссоединение с мужем (в этой версии он граф Прованса) в финале. С другой стороны, есть элементы сюжета, показывающие отступление от традиции. Так, гонец, попадавший к королевской матери, всегда оказывался опоенной и обманутой пешкой в игре интриганки. В этой истории мать графа, уехавшего не на войну, а на родину жены, чтобы удостовериться всех в ее происхождении, в подменном письме сообщает подданным от его лица, что героиня оказалась изгнанной безродной воровкой, и требует ее сожжения (еще одно напоминание о сюжете Бомануара), но гонцу известна правда, и он успевает донести ее до подданных графа. В итоге это спасает героиню от огня (но не от вторичного путешествия в лодке). Еще одно новшество в том, что история разрешается не в Риме, а в обычном монастыре, привратницей которого стала героиня. Стремясь помочь свя-

щеннику во время мессы, она инстинктивно протянула обрубки рук из-под рясы – и обнаружила, что руки целы и чудесным образом на своих местах (у Бомануара руку Безручке прирастил молитвой сам понтифик). Таким образом, мы видим, что в целом схема сюжета сохранена, и анонимный автор отступил от материала предшественников в формульной части III, то есть в мотивировочном комплексе, где свободные мотивы, не затрагивающие сути истории, как раз и были возможны. Этот окситанский памятник, наряду с двумя предыдущими сочинениями, безусловно, относится к образцам *агиографического* повествования.

Немногим ранее «Сага» вернулась и в Англию, но там ее судьба была иной. На пропущенный учеными местный образец впервые обратил внимание П.О. Бэкстрём (Bäckström, 1845, pp. 221–228). Это прозаические «Хроники» Николаса Тревета, английского монаха-доминиканца, сначала создавшего текст на латыни, затем на англо-нормандском языке, на котором текст в одной из рукописей получил заглавие *Cronicles que frere Nichol Trivet escrit a madame Marie la filhe mounseignour le roi d'Engleterre Edward le filtz Henri* («Хроники, которые брат Никол Тривет написал для дамы Марии, дочери господина короля Англии Эдуарда, сына Генриха»). Речь идет о Марии Вудстокской, дочери Эдуарда I. Этот текст датируют периодом до 1334 г. (года смерти автора), он, по-видимому, был достаточно известен современникам Тревета, так как сохранился в тринадцати рукописях. И его особенная значимость сегодня в том, что на представленный вариант «Саги» опирались в своих *tagmatoris* два крупнейших поэта Англии XIV века, практически пересказывая его в стихах, – Дж. Гауэр («Исповедь влюбленного») и Дж. Чосер («Рассказ Законника» из «Кентерберийских рассказов»). Кроме того, текст «Хроник» Тревета содержит самую раннюю историю из числа тех, в которых героиню зовут Констанцией (Black, 2003, p. 109).

Сочинение Тревета – поворотный момент в истории эволюции «Саги». Несомненно, он осуществил революционные изменения в сюжете, хотя и ложные обвинения в сторону героини, и ее воссоединение с мужем в Риме сохранены. Однако, во-первых, в мотивировочные комплексы добавлено так много событий, что акцент на двух столпах фабулы – изгнании и нахождении – кажется ослабленным. В эти комплексы включены совершенно новые ситуации, в то же время мотивы, претендовавшие на обязательность их репродукции, исчезли. Так, из начальной части истории исчез мотив, с которого история «Саги» началась, – мотив инцеста. Вместо него в сюжет вошла актуальная политическая тема контактов с мусульманством: император Рима Тиберий Константин выдает дочь замуж за сирийского султана, который по ее просьбе проходит обряд обращения (здесь слышны отзвуки современного по отношению к «Хроникам» английского романа «Король Тарса», в котором героиня приводит мужа, султана Дамаска, к обращению). С другой стороны, Тревет, очевидно, заметивший удвоение мотива изгнания в предыдущих образцах «Саги», распространил этот сюжетный ход на более широкую ситуацию:

свадьба героини с султаном – предварение ее брака с королем британских саксов, ее первая свекровь так же злобна и коварна, как и вторая (мать султана собирает 700 мусульман убить на свадьбе сына его самого и всех, кто был обращен; героиня выживает, но ее изгоняют в море на лодке без руля и паруса, словно все эти мотивировочные действия – предварение основного фабульного элемента, *репетиция кульминации*). Это позволяет заключить, что Тревел усилил драматизм сюжета.

Кроме того, отметим и дрейф истории в сторону жанра *exemplum*. Героями и героинями таких религиозных вставок оказывались выдающиеся (не обязательно знаменитые) христиане. Такой представлена и Констанция: в Сирии она привела к обращению жениха, а по прибытии – спустя 44 месяца и точно на Рождество – к берегам Нортумбрии она, будучи под опекой Эльды, констебля одного из замков саксонского короля Аллы и его жены Херменгильды, впоследствии побуждает их принять христианство. Далее следует небольшая вставная история о мстительном влюбленном рыцаре, который ложно обвинит героиню в убийстве Херменгильды (влияние истории целомудренной жены императора Октавиана из популярного сборника «Римские деяния»). Дана она для усиления мотива чистоты Констанции как христианки. С этой историей связаны, казалось бы, необязательные проявления *фантастики*, которые не были характерны для прежних сюжетов: сначала искренне уверовавшая Херменгильда излечила слепца, а после ее убийства и обвинения рыцарем героини прозвучал глас небесный, возвестивший о ее невиновности. При этом весьма натуралистично материализовалась идиома «рука Божия»: из воздуха, действительно, появляется огромный кулак, который выбивает из черепа злого рыцаря глаза и зубы.

Можно ли в итоге назвать историю Констанции в «Хрониках» мелодраматической и остросюжетной (то и другое – признаки литературы развлекательной)? Да, конечно. Можно ли заключить, что она образец религиозного жанра? Да. А к уже давно присутствующим в «Саге» путешествиям теперь явно добавлены фантастические мотивы (вообще, первая попытка вплести фантастическое в «Сагу» – божественное приращение рук в «Безручке»). Из всего сказанного следует, что Тревел нашел удачную жанровую формулу: заголовок его сочинения ложно отсылает к историческому жанру, хотя весь текст памятника из разных сюжетов, в числе которых и сюжет о Констанции, строго подчиняется хронологии; но «Хроники» оказались на стыке различных групп жанров, развлекательных и «серьезных». Остается упомянуть, что и во второй мотивировочный комплекс добавлена новая ситуация – посещение героиней замка языческого «адмирала». В целом, Тревел *усложнил* и *детализовал* тот обобщенный сюжет, который был ему знаком по некоторым предыдущим образцам «Саги». При этом основа сюжетной схемы узнаваема, из формулы исчез лишь мотив инцеста: *Ixb–IIabc–III–IV* (где *x* – замещающие тему инцеста иные мотивы, еще не ставшие для «Саги о Констанции» традиционными).

Заключение

Как видите, многие второстепенные мотивы как элементы двух мотивировочных комплексов сохраняются и в первой половине XIV в. Тема инцеста просуществовала до появления «Хроник» Тревета, но и после них, чему свидетельство история о дочери короля Венгрии, продолжила появляться как мотивировочная. Тема поисков мужем жены сохранилась в целом как ситуация, но к ней оказались добавлены разные окрашивающие сюжет в одежды иного жанра детали (жанр «образца», к которому применили старый сюжет, потребовал, чтобы муж не просто искал жену, но одновременно и совершал покаянное паломничество – независимо от того, мотивировано оно в сюжете для линии мужа или нет). Можно зафиксировать, что разрастались не большие фабульные ситуации, а относящиеся к ним мелкие свободные мотивы, диктуемые жанром и архитектоникой сочинения. Так, если в истории из «Небесной лестницы» Гоби Маргарита оказалась показана молящейся о сохранении целомудрия (новый мотив), то это было обусловлено необходимостью привести рассказ в соответствие названию рубрики, в которую он был помещен, – «О целомудрии». Близость некоторых историй агиографической литературе явилась следствием некоторых религиозных чудес (у Тревета бывшая язычница Херменгильда, уверовав, исцеляет слепого). И, как показал пример «Хроник», введение разных по окраске свободных мотивов оказалось средством существенного обновления той жанровой формы, которую имела мыслящаяся среднестатистическая история об «обвиненной королеве», «оклеветанной жене».

Список литературы

- Горбунов А.Н. Чосер средневековый. М. : Лабиринт, 2010. 335 с.
- Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М. : Наука, 1976. 351 с.
- Семенов В.Б. «Сага о Констанции»: о параллелях из средневековых европейских литератур XIII в. к сюжету «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 4. С. 186–193.
- Bäckström P.O. Svenska Folkböcker. Sagor, legender och äfventyr, efter äldre upplagor och andra källor utgifne, jemte öfversifft af svensk folkläsnin från äldre tid till närvarande tid. Bd. I. Stockholm : A. Bohlins Förlag, 1845. 357 p.
- Black N.B. Medieval Narratives of Accused Queens. Gainesville : Univ. Press of Florida, 2003. 320 p.
- Bofarull y Mascaró P. Documentos literarios en antigua lengua catalana (siglos XIV y XV). Barcelona : Imprenta del Archivo, 1857. 652 p.
- Gough A.B. The Constance Saga. Berlin : Mayer & Müller, 1902. 84 p.
- Delarue G. Essais historiques sur les bardes, les jongleurs et les trouvères normands et anglo-normands. T.I. Caen : Mancel, 1834. 396 p.
- Polo de Beaulieu M.A. Dialogus miraculorum: The Initial Source of Inspiration for Johannes Gobi the Younger's *Scala coeli*? // The art of Cistercian persuasion in the Middle Ages and beyond: Caesarius of Heisterbach's *Dialogue on miracles* and its reception / edited by V. Smirnova, M.A. Polo de Beaulieu and J. Berlioz. Leiden : Brill, 2015. P. 183–210.

Prades G.P. La Filla Del Rei D'hongria: Tres Contes Truculents De L'edat Mitjana / ed. G.P. Prades. Barcelona : Editorial Barcino, 2021. 125 p.

Schlauch M. Chaucer's Constance and Accused Queens. New York : New York Univ. Press, 1927. 142 p.

Thompson S. The Folktale. New York : The Dryden Press, 1946. 510 p.

Сведения об авторе:

Семёнов Вадим Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. ORCID: 0000-0003-2532-5381; SPIN-код: 8165-1918. E-mail: vadsemionov@mail.ru